

Часть I

Девять веков назад. Беласагун

Белый густой туман низко стелился над землей. Звезд уже почти не было видно, но бледное весенное солнце еще не встало и не подсушило слякоть и грязь на дороге. Три месяца назад караван из сотни человек и животных пересек границу империи Южная Сун и теперь медленно двигался на запад, огибая отроги Небесных гор¹.

Животные настолько устали, что люди, сопровождающие караван, шли пешком, то и дело подталкивая тяжелые телеги, накидываясь на них все разом. Вытащив из очередной ямы скрипучие колеса, они расходились, чтобы метров через сто или двести опять вызволять какую-нибудь застрявшую телегу, нагруженную тюками с выделанной кожей, шелком и хлопчатой тканью, изящными вещицами из серебра и золота, фарфором, специями и чаем и многими другими товарами. Караван останавливался в каждом из городов, что расположены на Великом шелковом пути, потому менялись и товары, и сопровождавшие их купцы. Лишь молодой императорский посланник Лин Чжоу и его друг и соратник Дамир ехали налегке. Тайное дело поручил им владыка Южной Сун.

Караван сошел с раскисшей дороги и двинулся по берегу все еще замерзшей реки. Через пару часов, взглянув на величественные горы, чьи склоны еще нежились в сладкой дреме, Лин Чжоу увидел блеснувшие в первых лучах солнца белые высокие стены большого города. Крыши башен, выступы и заостренные зубцы крепостных стен сверкали на фоне хрустально чистого неба. Пришпорив коня, разбрызгивая талый снег, он устремился к голове каравана. Бывалый караван-вожатый ехал впереди на осле в окружении четырех хорошо вооруженных караульных.

¹ Так в Средние века в Китае называли Тянь-Шань.

— Уважаемый Хамид, что это за великолепный город, чьи башни и стены видны между тех гор? — обратился Лин Чжао к караван-вожатому:

— Это Беласагун. Подождите немного. Вот проедем чуть вперед, и узрите его во всей красе.

Встреча в аэропорту

Самолет ощутимо тряхнуло. В наушниках забубнил гнусавый голос командира экипажа, сообщавший о начале захода на посадку в Алматы. Пассажиры зашевелились, потягиваясь и разминая затекшие тела после долгого полета.

Майя приоткрыла глаза и взглянула на сидящего рядом мужчину. Он ерзal и, перегнувшись через кресло, вытягивал шею, чтобы увидеть город в иллюминаторе. Но самолет летел слишком высоко, внизу была лишь тьма и серая дымка облаков. Некоторые пассажиры еще спали. «Можно было еще немного подремать», — подумала Майя, но сон уже улетел прочь.

Девушка размышляла о том, что ждет ее внизу и встретит ли в аэропорту Тимур, знакомый по переписке в соцсетях. Захочет ли он ей помочь, если то, что она раскопала в библиотечных архивах, надо еще найти в реальной жизни.

* * *

Было четыре утра. Тимур стоял в зале прилета. До приземления московского рейса оставалось минут двадцать. Холодный яркий свет люминесцентных ламп раздражал. Двери в терминал были плотно закрыты. Сквозь матовое стекло просматривалось абсолютно пустое пространство.

Встречающие толпились в зале ожидания. Одни нервно посматривали на табло, другие озирались в поисках свободного местечка, чтобы присесть. Кто-то притулился у стойки администратора, а кто-то просто слонялся по залу, рассматривая сувениры в бутиках и не обращая внимания на сонных продавцов, давно привыкших к тому, что в этот час никто ничего не покупает. Некоторое оживление наблюдалось разве что у кафе, где можно было взять стаканчик горячего кофе и перекусить.

У стеклянных дверей, прямо под указателем «Выход в город», скучали таксисты. Они лениво перекидывались пустыми фразами, курили, вглядываясь в клубы выдыхаемого дыма. Еще полчаса, и здесь станет шумно. Тогда-то они и заведут свою протяжную песню: «Такси-и-и, такси-и-и!» Кто-то будет бегать и предлагать пассажирам с ветерком доставить их в город, а кто-то решит дождаться следующего рейса.

«Что еще эта Майя выдумала, — хмурился Тимур. — Позвонила ночью, потребовала встретить ее в аэропорту, сообщив лишь, что летит в Алматы из Москвы».

Он не понимал, как и когда она очутилась в Москве. Вроде только на днях писала, что сидит на лекциях в своем голландском университете и слушает прескучнейшего стажичка-преподавателя, который всю жизнь изучал археологию, сидя в пыльном кабинете, ни разу так и не покинув его стен. Майя же мечтала о приключениях, о громких находках.

Меряя шагами зал ожидания, в который уже раз снимая очки и протирая тонкие стекла, — так он делал всегда, когда волновался, — Тимур вспомнил, как они познакомились. Он любил в свободное время зависать в соцсетях. Ему, молодому ученому, читающему лекции на историческом факультете, казалось, что таким образом он держится в текущей реальности и его не затягивают глубины прошлого. Время от времени Тимур писал в соцсети о своих находках, о раскопках в сакских курганах или об интересных скифских сказаниях. Поделился он с друзьями

по сети и своими исследованиями по Баласагуну, столице Восточно-Караханидского ханства¹.

Как-то Тимур заметил, что к его постам о древнем городе проявляет интерес некая Майя, которая, как оказалось, тоже изучает историю. Знания у нее были хоть и обширными, но слишком поверхностными. Впрочем, это не мешало ребятам дискутировать, азартно отстаивая свою точку зрения.

Заглядывая на века назад, обсуждая политику древних правителей, моду или миграционные потоки людей, каждый старался не рассказывать подробно о своей жизни. Но это никому из них не удалось, и Тимуру было известно, что девушка родилась в Китае, но еще в детстве ее усыновила семья из Нидерландов и сейчас девушка живет там, изучая журналистику в Маастрихте. Конечно, можно было попросить Ансара, друга детства и замечательного хакера, «пробить» Майю, узнав о ней все, что можно. Но Тимур не хотел этого. Ведь в мире, где возможно узнать все про всех, так приятно лелеять и охранять свои маленькие тайны.

Наконец из динамиков хрипло донеслось, что самолет, на котором летела Майя, приземлился. Пассажиры, получив багаж, потянулись на выход. Первой вышла группа арабов. Занятно было наблюдать за этой процессией. Впереди шел крупный, с большим круглым пузом, смуглый мужчина в белых шелках. За ним, словно по ниточке, скользя по натертym мраморным плитам аэропорта, семенили женщины в парандже — в последние годы нередкое явление в Алматы. Одна из них тянула за собой небольшой чемоданчик на колесиках. Другая вела за руки детей. Третья, самая младшая, с трудом толкала перед собой гигантскую тележку, заставленную огромными чемоданами и узлами.

Вслед за ними в дверях зала прилета замаячила шумная толпа веселых спортсменок. Одни окидывали оценивающим

¹ Баласагун был одной из трех столиц Караханидского государства (940–1040), а затем (вплоть до 1130 г.) — столицей Восточно-Караханидского ханства (XII в.).

взглядом Тимура в легкой джинсовке, другие многозначительно улыбались и подмигивали ему. Это был высокий, ладный парень в модных очках из титанового сплава, с серьезным взглядом серо-зеленых глаз и аккуратной прической. Было видно, что занятия в спортзале занимают в его жизни не последнее место.

«Как же ее найти среди этой толпы? Я же никогда ее не видел, а на аватарке в соцсетях вместо фото у нее белая волчица», — задумался Тимур, внимательно оглядывая каждую проходящую мимо девушки. Вдруг в дверях мелькнула тоненькая фигурка в легком белом платье. Девушка была миниатюрной, с белоснежной фарфоровой кожей и огромными, искусно подведенными черными глазами. Она выглядела хрупкой, как подросток.

Увидев Тимура, она на миг застыла, огляделась, а потом, откинув с лица прядь черных как уголь волос, радостно бросилась ему навстречу. Круглые щечки раскраснелись, чуть раскосые глаза смеялись.

— Привет, Тим. Не узнаешь? — Она слегка шепелявила, но это лишь добавляло ей очарования.

Смутившись, парень поймал себя на том, что все мысли сразу разбежались. Пришлось срочно собирать их в кучу, чтобы не выглядеть глупо, изъясняясь лишь междометиями. Дело это нелегкое, когда кто-то или что-то неожиданно лишает тебя душевного равновесия.

— Э-э, здравствуйте, — пролепетал он. — Как долетели? Давайте чемодан, я его понесу.

— Спасибо. Все отлично. Пойдем скорее, — потянула девушка его к выходу и зачастила. — Мне столько надо тебе показать и рассказать. Кстати, ты успел забронировать номер в отеле? Можно не в самом дорогом, но обязательно в центре. А город мне покажешь? И потом нам нужно будет встретиться и поговорить с одним моим знакомым. Хочу вас познакомить.

Но по дороге, позабыв про свое обещание рассказать, что подвигло ее бросить учебу и рвануть в бывшую столицу одной из центральноазиатских республик, Майя просто смотрела в окно, любуясь видом проносящихся мимо гор.

Тимур искоса поглядывал на девушку. В голове вихрилось множество вопросов. Ее непосредственность подкупала, а необузданная жажда нового, стремление узнавать как можно больше было тем, что он ценил больше всего в людях.

На ее левом предплечье он заметил небольшое родимое пятно в виде бабочки. Тимур понятия не имел о молеософии, но когда-то интересовался татуологией, а потому знал, что бабочки — это символ возрождения, трансформации.

— Значит, трансформация, — пробормотал он себе под нос. Девушка, увлеченная созерцанием величественных склонов и снежных горных пиков, его не услышала.

Он ехал по кольцевой. Скоростная трасса стремительной лентой прорезала горы, которые расступались, раскрывая красоты Алматы. Воздух был свеж и прозрачен. Смог еще не накрыл плотной пеленой город, и небо было голубым и высоким. Темно-зеленые великаны — сосны и ели — стояли покой горных хребтов Заилийского Алатау, снежные пики которых бросали вызов своей белизной облакам.

— Смотри, смотри, какая красота! Горы словно переливающийся зеленый бархат, — ткнув тонким пальчиком в стекло, закричала Майя. — Боже мой, как же вам повезло жить в таком великолепном месте. Знаешь, в Нидерландах горы совсем другие, а здесь такое величие!

— Подожди, хочешь сказать, что и в Китае ты тоже не видела гор?

Спустя мгновение Тимур понял, что сморозил глупость: ведь девушка упоминала, что ее еще во младенчестве удочерила пара из Нидерландов.

— Папа предлагал съездить в Китай, но у нас так и не получилось. А потом родителей не стало, — погрустнела Майя. — Но я все-таки там побывала. Там горы совсем другие, они грозные, каменистые, совсем не такие, как здесь.

Закусив губу, Тимур смотрел на дорогу и лихорадочно думал, как спасти положение. Было очень стыдно, что так грубо, пусть и нечаянно, обидел девушку.

— Знаешь, извини, но я не успел забронировать номер в отеле. Но сейчас раннее утро, а ты, наверное, еще и голодна, поэтому предлагаю поступить просто. Сейчас мы едем ко мне. Я приготовлю завтрак, потом ты сможешь немного отдохнуть. Я сбегаю на лекции, а днем мы заедем в какой-нибудь приличный отель, снимем тебе номер и обо всем поговорим.

Майя удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала, лишь молча кивнула. В конце концов, ей придется объяснить Тимуру цель своего приезда в Алматы.

Девять веков назад. Знакомство

Высокая крепостная стена шириной более двух чжанов¹, ровная и гладкая, без единого зазора, куда даже самое тонкое лезвие просунуть сложно, была опоясана глубоким рвом с темной мутно-зеленой водой.

— Здесь наверняка кроются сюрпризы, — кивая на ров, тоном знатока протянул Дамир. Он тоже рассматривал стены и стражу, стоявшую у распахнутых ворот, сквозь которые медленно тянулся караван.

— Пожалуй, — согласился Лин Чжао, оглядывая стражников, облаченных в серебристые кольчуги с короткими рукавами поверх серых распашных кафтанов.

— С какой целью направляешься в город? — пристально глядя на путников, строго спросил стражник, качнув копьем в их сторону. Мол, говори правду, иначе не поздоровится.

— Мы купцы. Товар распродали, решили посмотреть, не найдется ли чего интересного в вашем городе, — ответил

¹ Чжан — китайская мера длины, в современном исчислении 3,2 м (в древности 1,9–3,4 м).

Дамир. Еще дома они уговорились, что он, хорошо владеющий тюркскими наречиями, будет вести все беседы.

Заплатив положенную пошлину, путешественники въехали в город. От ворот лучиками разбегались основные улицы рабадов¹. Главными узлами в их планировке служили базары, многолюдные, оживленные и вымощенные белым камнем площади. По соседству расположились караван-сараи, бани и мечети. Выше и ближе к верхнему дворцу взбирались по круче дома с участками земли, медресе, административные и торговые здания, мавзолеи и минареты. Лучи полуденного солнца позолотили и стены домов, и стрельчатые арки, и медные купола, резные двери и оконные наличники, превратив все вокруг в нечто призрачно-легкое.

— Посмотри, какая красота! Где еще такое увидишь, — восхитился Лин Чжао. Оглядывая улицы города, он и забыл, что здесь им необходимо найти купца Сальмена Многоглазого. Так его прозвали за то, что он поспевал всюду, не позволяя никому стащить и ниточку от своего товара. Сальмен продавал лошадей и меха в империи Сун, закупал китайский шелк, серебро и текстиль, которые затем вез на базары городов, растянувшихся вдоль Великого шелкового пути и в Хорезм. Он был знаком с отцом Дамира, который написал письмо купцу с просьбой помочь молодым послам императора.

— Помнишь старую поговорку: «Не вино опьяняет человека — человек пьянеет сам, не красота одурманивает человека — человек теряет голову сам», — усмехнулся Дамир.

Это был статный молодой человек с выюющимися черными кудрями и ярко-карими, широко расставленными глазами, тонким острым носом и сочными губами. Он был из тюрок, но его предки служили еще императору Тай-Цзуну, и теперь его отец, будучи влиятельным человеком, имел титул хоу². Он считался состоятельным ши, истинным аристократом, как

¹ Рабад — окраина, торгово-промышленное предместье в городах Средней Азии VII—VIII вв.

² Хоу — наследственный титул знати в Древнем Китае. Приблизительно соответствует европейскому титулу маркиза.

и отец Лин Чжао. Сколько себя помнил Лин Чжао, Дамир всегда был рядом. В юности, поссорившись с отцом, Лин Чжао отправился в армию, где познакомился с молодым военачальником Юэ Фэем и долго служил под его началом. Они плечом к плечу бились против чжурчжэней¹ и не раз спасали друг другу жизнь. И однажды, после очередной заварушки, побратались. Это и стало переломным моментом в жизни посла. Когда император спросил Юэ Фэя, кого бы он отправил за помощью в далекий Хорезм, дабы противостоять ордам чжурчжэней, военачальник без колебаний указал на своего побратима. А Лин Чжао, отправляясь в далекий путь, решил позвать с собой Дамира, друга детства.

— Дагэ², у меня предложение. Пусть один из нас наслаждается красотой и изучает город, а другой отправится в ближайший караван-сарай, чтобы найти нужного нам человека.

— Я даже знаю, кто готов на столь великую жертву, — рассмеялся Лин Чжао и, ткнув себя в грудь, заявил: — Я буду наслаждаться красотой города.

— Изволь, — улыбнулся Дамир, блеснув ровным рядом белых зубов. — А я зайду выпить и перекусить в ближайший караван-сарай, а заодно погрею уши, может, кто из купцов и проговорится о нашем знакомом.

— Удачи тебе. Возьми моего коня и голубей. Мне они будут мешать, а ты их там пристроишь на постой, — напутствовал друга Лин Чжао, указывая на коня и притороченную к седлу клетку с птицами.

Дождавшись, когда Дамир скроется из глаз, Лин Чжао отправился в город. Купив на базаре каленые орехи, он неспешно прогуливался меж рядов, разглядывая товар и слушая торговцев, громко зазывавших прохожих.

— Подходи, дорогой! Посмотри, какая сбруя! Золото, а не сбруя, — громко расхваливал свой товар мускулистый

¹ Чжурчжэни — группа средневековых тунгусоязычных народов, живших на территории Маньчжурии, Приамурья, российского Приморья, севера Кореи.

² Дагэ — обращение к старшему брату (кит.).

самаркандский купец, поигрывая конской уздечкой. Рукава широкого халата не могли скрыть его крепкие бицепсы.

— Нефрит из Хотана, лазурит из Бадахшана. Жемчуга, кораллы! — вторил ему худосочный армянин.

— Давай ко мне, тут шелка на любой вкус и цвет. Обрадуй свою девушку, — предлагал толстый бородач в ярких шафрановых одеждах.

— Не хочешь шелка, покажу тебе меха, — протягивал пару переливающихся соболиных шкурок седой гость из земли русов в долгополом красном кафтане и круглой меховой шапке.

Вдруг внимание Лин Чжао привлек шум с площади. Люди заспешили туда, пробегая по тесным переулкам. В центре небольшой площади, вымощенной серыми гладкими камнями, образовалась яркая и пестрая толпа, которая хаотично толкалась, кричала и улюлюкала. Лин Чжао протиснулся в первые ряды. Пришлось изрядно поработать локтями.

А там иктадар¹ гонялся с мечом за плечистым поджарым парнем, который раз за разом ускользал ужом, и меч встречал пустоту. (Прислушиваясь к общему гомону, Лин Чжао выяснил, что ловкий парень — местный кузнец и оружейник.) Но иктадар был непрост. Наконец он загнал парня в угол между лавками. Оскалившись в недоброй усмешке, перекосившей его загорелое лицо, и широко расставив руки, он замахнулся.

— Р-р-р-рах! — выдохнул он.

Еще чуть-чуть — и кузнец лишился бы головы.

— Эй! Стой! — Лин Чжао выскочил из толпы на подмогу. У него не было оружия, поэтому он с разбега всем телом врезался в нападавшего, но, получив рукояткой меча по голове, рухнул без чувств на мостовую.

¹ Иктадар — владелец земельного надела (икты), пожалованного хаканом (каганом) своим приближенным, был обязан следить за порядком на своей земле и собирать налоги с населения.

Девять веков назад. Халида

Очнувшись, Лин Чжао обнаружил, что лежит на постели в прохладной комнате. Вокруг царил полумрак, а в воздухе витал легкий травяной аромат. Голова раскалывалась. Осторожно ощупал аккуратную стягивающую повязку. Лин Чжао хотел было приподняться, но из полумрака вынырнула тонкая рука, которая уверенно придержала его за плечо, и мягкий грудной девичий голос произнес:

— Лежите смирно. Иначе голова закружится. Вы в безопасности. Я — Халида, а это дом моего отца, купца Сальмена. Вчера вас принесли к нам без сознания. Я буду ухаживать за вами, пока не поправитесь.

Облаченная в простое светлое хлопчатобумажное платье, Халида казалась ангелом, спустившимся с небес. Тонкие косы змеились по спине, голос был плавно журчащим и умиротворяющим.

Шли дни, рана затягивалась, но посланцы императора решили не рисковать здоровьем Лин Чжао и дождаться попутного каравана. Они поселились у купца. Дом был просторным и всем хватало места. Дамир с Сальменом с утра отправлялись в лавку, а Халида оставалась с Лин Чжао.

— Я все хотела узнать, вот это родимое пятно на предплечье, в виде бабочки — оно у всех в твоей семье? — как-то спросила Халида.

Она протянула ему свежую рубаху и, присев на резной деревянный табурет в углу, искоса наблюдала, как он переодевается.

— У всех. Оно есть у всех членов нашего рода. И скажу тебе по секрету, оно есть даже у нашего императора.

— Ты сын императора?!

— Нет, что ты! Скорее племянник. Я спрашивал отца, но он всегда скрывал это и мне приказал тоже молчать. Ты единственная, кто, кроме моих родителей, знает теперь мою тайну.

Больше месяца ухаживала Халида за Лин Чжао. Лечила, выхаживала и развлекала рассказами о жизни в городе и знакомых купцах. Он и не заметил, как влюбился.

Мы — свечи... сердце сжигает пламя. Иного нет
Горя, исходим всю ночь слезами... Иного нет.
Нам обещали мгновенье счастья, свиданья миг,
Но злую шутку сыграли с нами... Иного нет¹.

Анель

С утра делать было нечего, и Анель решила прогуляться по городу. Весной Алматы прекрасен. Все расцветает, и он будто плывет в розовой дымке навстречу солнцу, встающему из-за снежных вершин. Ее самое любимое место — это небольшое уютное кафе, расположенное прямо у входа в парк.

Совсем скоро дорожка свернет налево, и оно там, за поворотом. Даже здесь в воздухе витал тонкий, манящий аромат кофе. Хотелось устроиться где-нибудь в уголке и, неспешно смакуя горячий напиток, рассматривать прохожих и любоваться видом на Кок-Тюбе.

* * *

Анель шла через парк. Пухленькая, с веснушками на носу, с вечно выбивающимися из прически кудряшками, в больших очках в черной оправе, она напоминала совенка и очень комплексовала из-за своей внешности. Возможно, поэтому

¹ Стихотворение персидского поэта Бехара «Газель». Перевод Л.Н. Гумилева. Цит. по: Бехар, М.Т. Стихотворения. — М., Л.: Гослитиздат, 1959.

и стала писать рассказы и истории, выдумывая новые или перекраивая на новый лад старые. Сидя в тишине и мысленно создавая образы героев, необязательно быть красавицей или душой компании.

В школе и в институте Анель всегда держалась особняком, старалась быть незаметной и никогда не ходила на студенческие вечеринки. В детстве летом, если ей бывало одиноко и скучно, она забиралась на растущий во дворе раскидистый тутовник. Ей казалось, что высокое дерево защищает ее. А когда поспевали крупные, черные и очень сладкие ягоды, она, вдоволь наевшись и перемазавшись их соком, удобно устраивалась на самой большой ветке, опираясь спиной о мощный ствол. Так Анель могла сидеть с утра и до вечера, читая любимые сказки или просто мечтая. Самими преданными друзьями Анель были придуманные ею герои. Они никогда ее не подводили, не обижали и не высмеивали, и это ей нравилось.

Утром прошел легкий дождик, и Анель с удовольствием вдыхала запах прибитой пыли и свежей листвы. Ей нравилась эта дорожка. Отгороженная стеной высоких сосен и кустарника, она была незаметна с основной дороги. Здесь можно было не спеша прогуливаться, обдумывать идею очередного рассказа, сочинять и мечтать. Можно было зайти в кафе, взять чашечку кофе с мягкой сладкой булочкой и воплощать мечту в реальность, ощущая тяжесть каждого написанного слова.

«Осталось всего три месяца. Редактор торопит, а у меня нет никакой подходящей истории. Выдуманные герои какие-то картонные, аморфные. А они должны жить, мыслить и быть настоящими», — корила себя Анель.

Задумавшись, она не заметила, как откуда-то выскочил высокий, худой и взъерошенный парень. У него были большие раскосые глаза и немного узкое и скуластое лицо. Столкнувшись с ним, девушка едва не упала, но парень успел подхватить ее, крепко схватив за плечо.

— Простите! Вы не ушиблись? — он заглянул в лицо Анель, но, увидев, что с ней все в порядке, не дожидаясь ответа, резко развернулся и скорым шагом направился к летней террасе кафе.

Все произошло так быстро, что девушка даже не успела ничего ответить. Зайдя, наконец, вслед за ним на летнюю террасу кафе, она увидела, что парень уже сидит за столиком и рассматривает меню.

Ансар

Ансар видел, как девушка, потирая плечо, — видно, он впопыхах слишком сильно сжал его, — прошла к столику в углу террасы, села. Похоже, здесь она была завсегдатаем — смуглый улыбчивый официант, даже не спрашивая заказа, сразу принес ей кофе и булочку с маковой начинкой.

Девушка поблагодарила, отпила глоток и, поправив очки, придававшие ей сходство с собой, стала что-то просматривать на ноутбуке. Рядом лежали ее блокнот и карандаш с обгрызенным концом. Время от времени Анель поднимала голову и окидывала задумчивым взглядом прохожих и посетителей кафе. Заметив взгляд Ансара, она улыбнулась, и на ее пухлых щечках тут же появились милые ямочки.

«Какая необыкновенная и явно очень добрая. Похоже, она даже не обиделась, что я ее чуть не снес. Хорошо хоть, успел поддержать и она не упала. Может, подсесть к ней и познакомиться? Вот только если бы за мной не следили эти непонятные отморозки», — думал Ансар.

* * *

За крайний столик пристроились двое качков. Они шли за ним от самого его дома. Их нельзя было не заметить. Крепко сложенные, с толстыми бычими шеями и тяжелыми золотыми цепями на них, парни шли не прячась, но на расстоянии. Сей-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru